

Образ Е.Л. Стрешневой через глубину столетий

21 поколение, более 50: князей, великих князей, царей, составляющих династию Рюриковичей, правящих на Руси более 7 веков, пресеклись со смертью «блаженного на троне» [1; с.6], царя Федора Иоанновича (1557-1598). Процесс разрушения сильной государственной власти, начавшийся при его воцарении в 1584 г., привел Россию, после его кончины к катастрофическому периоду Смутного времени. Суть которого, по мнению К.Валишевского, - сплав: кризисов (государственной власти, социального), национальной войны и революции, которая «расшатывала всю страну, заливала ее потоками крови и покрывала развалинами». [2; 91, 229, 346, с.415] Действительно: прервалась постепенная династическая передача венца, скипетра и державы; 15 лет потрясали страну проявления полного паралича государственной власти (чехарды царей-самозванцев на российском престоле) - польско-литовская интервенция, разруха, голод, эпидемии, разложение всех слоев общества.

Однако, нельзя согласиться с К. Валишевским, что «революция,... пронеслась разрушительным и бесплодным ураганом». Да, Россия вышла из кризисного состояния «тяжело изувеченной и истерзанной, с двойным вырезом у своих границ и страшно израненным центром» [2; с. 415,416] Но по мнению В.О. Ключевского, «усиленная работа политической мысли во время и тотчас после» Смутного времени, обогатила социальное сознание новыми понятиями, которые в свою очередь «изменили старый привычный взгляд общества на государя и государство... Прежде государство мыслилось в народном сознании только при наличности государя, воплощалось в его лице и поглощалось им». Уроки Смутного времени привели к тому, что «неразделимые прежде понятия стали разделяться... стали... приходить в иное соотношение основные стихии государственного порядка: государь, государство и народ».

Идея государства «стала сливаться с понятием о народе ... мысль о государе – хозяине ... постепенно... осложнялась новой политической идеей государя-избранника народа». В итоге «государство, оставшееся без государя, не распалось, а собралось с силами и выбрало себе нового царя». [3; с.184, 185]

21 февраля 1613 г. был созван Великий Земский Совет «на коем положили единогласно: избрать в Цари Михаила Федоровича Романова-Юрьева». «Июля 11-го, т.е. на канун дня рождения своего, венчался Царя Михаил Федорович на царство». [4; с.85, 90]

«Царствование Михаила было временем усиленной работы правительства совместно с земским собором. Ни когда, ни прежде, ни после, не собирались так часто выборные от всех чинов людей Московского государства. ... царь, избранный народной волей, советом всей земли, естественно, должен был и править при содействии народа, земского представительства». [3, с.194, 195]

Личность царя, Михаила Федоровича Романова (1596-1645), «как нельзя более способствовала укреплению его власти: мягкость, доброта и чистота этого государя производили на народ самое выгодное для верховной власти впечатление ... исключала мысль, чтобы какое-нибудь зло могло проистекать от него, и всё, что не нравилось тому или другому, падало на ответственность лиц, посредствующих между верховной властью и народом... Псковское сказание, которое... нельзя заподозрить в официальной лести, всего лучше выражает этот взгляд»... [5, с. 248]

Во главе с первым царем новой династии Романовых, российское государство вышло из пике Смутного времени и поднялось на новый эволюционный виток. А XVII век стал эпохой самого полного расцвета, как основ отечественных националистических идеалов, так и периодом подготовки петровских инноваций по европеизации России. [6; с. 96]

Всё так. Однако исторический опыт – не только производная физического существования, выживания человека, общества вкупе с богатством всех форм духовной жизни личности, цивилизации, но и первообразная социально организованных стереотипов поведения, эволюционирующего императива поведения. Да, опыт истории – мерило уровня социального развития, материальной и духовной культуры общества, но т.к. его суть – банк:

- знаний, артефактов (накопленных поколениями);
- событий, судеб (вероятностных аналогов современным);
- ликов истории всего реестра сложности человеческой сущности, богатейшей палитры красок интеллекта, эмоций, дарований, честолюбия, то это и школа познания людей, особенно, облеченных властью. Школа, которая учит выстраиванию графа причинно-следственных связей особенностей характера человека и соответствия его замыслам результатов их реализации.

По мнению И.Е.Забелина, «характеристика женской личности всегда служит вполне верным изображением самого общества». [7; с.6] Рядом с первым представителем династии Романовых, отечественная история высвечивает две женских судьбы: первая – мать, Романова (урожд. Шестова) Ксения Иоанновна (? – 1631), в монашестве – Марфа; вторая – жена, мать всех его детей, Романова (урожд. Стрешнева) Евдокия Лукьяновна (1608-1645), уроженка Калужского края.

В XVII веке общество «органической клеточкою» бытия которого был род, всем ходом жизни которого управляло «родительское патриархальное начало», выстраивавшее все социальные взаимоотношения и приоритеты в иерархию родового старшинства, а монашеский идеал, считавшее «исключительным идеалом высоконравственной жизни», не признавало женскую личность самостоятельным членом общества. «Церковь же, по необходимости, указывала женской личности лишь один путь нравственно-самостоятельной жизни – монастырь. Это был в действительности единственный путь не только для спасения, но и для самостоятельного, сколь-нибудь независимого положения в общественной жизни». [7; с.22, 46, 97]

У родоначальницы династии Романовых, инокини Марфы такая необходимость была. В 1603г. вместе с мужем Романовым Федором Никитовичем (1550-1633) она была пострижена насильно. В 1613г., когда Федор Никитович находился в польском плену, становится главою рода, т.е. «играет в некоторых отношениях мужскую роль... приобретает сильные самостоятельные черты и в общественной жизни, и в исторических событиях...». [7; с.7] Воистину так:

- После принятия решения об избрании Михаила Федоровича Романова на российский престол, было два одновременных обращения Земского Собора 1613 года: грамота к новоизбранному царю, убеждающая его принять венец и грамота к его матери, инокине Марфе, с мольбой о согласии и благословении сына на царство. [4; с.86, 87] «Зная историю, эта женщина не пускала своего сына на царство, говоря, что это дело хлопотное и что она не хочет, чтобы ее Мишеньку прикончили, как Отрепьева и Тушинского вора. Но поскольку все обещали «блюсти государя», то ей ничего не

оставалось делать, как стать матерью московского царя». [8; с.234] Только после согласия и благословения матери, согласие дал Михаил Федорович.

• До освобождения в 1619г. из польского плена Федора Никитовича, в иночестве Филарета, мать была ближайшей советницей царя. [4; с.300, 301]

В допетровскую эпоху только «мужчине исключительно принадлежали интересы общественности. Женщине оставалось обязанность жить дома, жить семейно, быть человеком исключительно домашним, и в существенном смысле быть вместе с домом и домочадцами только орудием, средством для жизни общественного человека – мужчины». В XVII веке эта суть стала нормой, каноном социального бытия, т.к. определялось оно идеалом родительской опеки. «По этому идеалу создавалось наше общество и государство ... этот идеал ... знал только идею рода, идею отечества, т.е. идею принадлежности лица известному отцу или роду, идею полной зависимости лица от своего родства». Т.е. на этом временном промежутке в общественном сознании полностью отсутствовали как сама идея самостоятельной человеческой личности, так и идеал человеческого достоинства, ибо «лицо не само себя представляло, а являлось представителем известного старшинства или меньшинства по степеням рождения». (По христианским догматам женщина всегда относилась к «меньшинству»). А посему, в российском обществе на этой эволюционной ступени как «самостоятельная женская личность», так и «общественные права женщины» - нонсенс. Оно, это общество, не могло ничего «выработать для нравственного и социального освобождения личности» вообще, а уж тем более женской личности. Индивидуальных устремлений вообще не существовало в женском сознании в XVII в. «Жизнь родом, а не личностью, жизнь в круговой зависимости и в круговой опеке – это жизнь правильная и счастливая». [7; с. 7, 11, 18, 21, 33]

Нравственно-философским обоснованием этой социальной концепции стал литературный памятник неопережимого значения для нашей истории – «Домострой». Он является сводом правил общежития в отношении духовного, мирского, домового строения общества.[9, с.37] «Домострой есть зеркало... нашего допетровского развития, зеркало общества и общественности ... под его сильнейшим влиянием совершались постройка и нашего государства...» [7; с.27] Постнические идеи, монашеский идеал – вот суть «Домостроя». По его постулатам благочестивый, т.е. самый лучший дом – это дом по своей жизни уподобившийся монастырю, а поэтому появление терема в таком доме, максимально изолировавшего женщину от общества, – суть логической производной. Т.к. по христианским понятиям «появление терема было воплощением благочестивых воззрений на женскую личность, как на соблазн мира»... [7; с.53]

Положение русской царицы в XVII веке было ограничено еще более жесткими социальными шорами в силу особого, исключительного ее положения. Это в полной мере проявилось в судьбе первой представительницы династии Романовых, Стрешневой Евдокии Лукьяновны.

«Избранная невеста, вступая во дворец царевною, среди радостей и полного счастья, неизобразимого... особенно для ее родных, вовсе не предчувствовала, что именно с этой минуты участь ее держится на одном волоске, что ... ее личность становится игрищем самых коварных, низких и своекорыстных замыслов». Это положение является следствием того, что в Древней Руси «государством, как и самим государем, ... управлял какой-либо один род, одна партия особенно близких к государю, его домашних людей. А такими людьми по весьма понятным причинам очень часто являлись его родственники

по жене-царице. Вот почему государства женитьба приобретала для всего двора, для всего правящего общества ... самый жизненный смысл. ...Выбор государевой невесты подымал в дворовой среде столько страстей, столько тайных козней и всяческих интриг, что ... замкнутый царский терем ... являлся на деле самым открытым местом для действия потаенных врагов и самым тесным и опасным местом для жизни».[7; с.107, 108, 112]

Примерами тому, являются судьбы: первой невесты Царя Михаила Федоровича (Марии Ивановны Хлоповой), ставшей в 1616 году жертвой интриги двоюродных братьев царя и его высших сановников: дворецкого Бориса Михайловича Салтыкова (?-1644) и кравчего Михаила Михайловича Салтыкова (?-1671) [10; с.205, 206]; и первой его супруги (княжны Долгорукой Марии Владимировны), которая умерла через четыре месяца после свадьбы в 1624 году. Многие приписывали эту загадочную смерть яду, подсыпанному царице врагами Долгоруковых. [11; с. 198,199]

Поэтому второй брак царя со Стрешневой Евдокией Лукьяновной был политическим – браком с представительницей захудалого, провинциального, невлиятельного дворянского рода. «О царице... ее же постельницы говаривали: не дорога де она государыня; знали они ее, коли она хаживала в жолтиках (простых чеботах); ныне де ее государыню Бог возвеличил!» [7; с.112] «Но дабы прикрыть намерение сие благовидным предлогом, распустили слух, что Царь был очарован красотой Стрешневой дочери». [4; с.148] Мы не знаем обстоятельств, которые уберегли первую царицу династии Романовых от порчи, но сия чаша ее миновала.

Однако, всегда «женщина-царица является жертвою уже не одного семейного начала, но сверх того и жертвою государственных идей, которые, хотя и возносят ее лицо на высоту недостижимую, но в то же время ограничивают смысл ее доли исключительно значением родительницы, значением почвы, в которой не должен иссякнуть корень государственного рода. ... Она должна была дать наследника царю и царству. В этом заключался главный, основной смысл ее царственного положения». [7; с.98, 129]

«Домоклов меч» «неплодия» висел над Евдокией Лукьяновной на протяжении всех 19 лет ее супружества. Царица имела семь дочерей и трех сыновей. Из них выжили: Ирина (1627-1679), Алексей (1629-1676), Анна (1630-1692) и Татьяна (1736-1706), остальные дети умерли или в младенчестве или в раннем детском возрасте. [12] После не совсем благополучных родов в 1639г., в течение 6 лет, до самой смерти Евдокия Лукьяновна оставалась бесплодною. «Она по свидетельству современников, с того времени «была перед прежним скорбна и меж супругами в их государском здоровье и в любви стало не по-прежнему». [7; с.137]

Бытие Евдокии Лукьяновны, «нравственным идеалом домашнего устройства в допетровском быту ... Молитва и милостыня – вот исключительная, единственная ... стихия этой жизни ... Келейное, т.е. домовное, и церковное правило и подвиги милосердия, - вот в чем заключалось главное, коренное и неизменное дело этой жизни». [7; с.141]

Царица Евдокия Лукьяновна усердно молилась о даровании ей сына и великую надежду возлагала на преподобного Александра Чудотворца Сиверского. «Царь в 1643 году устроил для мощей Чудотворца богатую серебряную раку, а царица «устроила швейным художеством своима руками, со благородными своими чады (дочерьми), цветных синет на плащанице образ св. Живоначальныя Троицы и преподобного отца Александра, и украсила златом и серебром и бисером (жемчугом) со драгим камением, и

повелела положить на многочисудесныя мощи преподобнаго»... Но Бог не благословил этого благочестивого ходатайства. Царь Михаил через 2 года скончался, за ним вскоре скончалась и царица». В остальных случаях «молитвенная мысль царицы сосредоточивалась главным образом в целях и делах собственной царской семьи ... богомольными выходами царицы ... управляли по преимуществу события или различные чрезвычайные обстоятельства ее домашней семейной жизни». «Годовые богомольные выходы и выезды ... вызывались главным образом совершением памяти усопших родителей, ... вообще родства... В эти дни царица хаживала ... в кремлевский Вознесенский монастырь, который был усыпальницей царских родителей женского колена, и в Новоспасский монастырь, в котором находились гробы родителей дома Романовых. ... Успенский собор –усыпальницу московских святителей, Архангельский собор – усыпальницу царских родителей мужского колена, Чудов монастырь, Троицкое и Кириловское подворья. ... загородные выходы направлялись ... в девичьи монастыри, Ивановский, Зачатейский, Алексеевский и Новодевичий.»

«О деяниях царского нищелюбия и по случаю болезней и других домашних невзгод ... можно догадываться только по расходным записям о выдаче той или другой суммы на раздачу заключенным и нищим. ... Так, в 1634г., когда скончался патриарх Филарет Никитич, то по нем в течение сорочин каждый день раздавались нищим милостыня от царицы. Раздавал на дворе по рукам царицын дворецкий Федор Степанович Стрешнев... В 1636г. с 20 июня, когда скончалась маленькая царевна Софья Михайловна, по ней во все сорочины каждый день раздавалась из хором милостыня нищим...» [7; с. 137, 143, 146,147]

В течение дня у царицы преобладали дела милосердия, дела помощи нуждающимся. «Однажды царице Евдокии Лукьяновне было одно следующее челобитие: «Бьют челом сироты ваши государские, бедные заключенные из темницы, из Розряду, из казенки, Литва, Татаровя, Немцы и всякия людишка 27 человек. Помираем, государыня великая, бедные заключенные с голоду; ни милости царской, ни милости нам, бедным николи не идет. Смилуйся государыня, для своего многолетнего здоровья и своих христоролюбивых чад, вели нас, государыня, заключенных напоить и накормить».Вообще «царский быт в своих основах ... ничем не отличался от обыкновенного вотчиннического или помещичьего быта... и здесь очень естественно... попечения о своих домочадцах... Вот почему все девицы всякого чина, жившие во дворце царицы... были выдаваемы замуж ... по одобрению самой царицы. при хоромах царицы жило много девочек-сиротинок,... Из таких случаев особенно часто встречалось крещение в православную веру иноземок. ... При царице Евдокии Лукьяновне одна из новокрещенных немок, девка Авдотья Капитонова, находилась даже в собственной комнате царицы, была ею очень любима и исполняла все комнатные ближайшие ее поручения и приказания». [7; с. 162-164]

Немало забот и хлопот царице доставляло и ее вотчинное хозяйство. Для Евдокии Лукьяновны такую домашнюю вотчиною было село Рубцово-Покровское, старинная вотчина Романовых, принадлежащее в свое время матери Михаила Федоровича, инокине Марфе. «При Михаиле Федоровиче Рубцово (Покровское) было любимым летним местопребыванием царской семьи и потому на устройство тамошнего хозяйства были употреблены тогда немалые заботы. В 1632г. печатного дела мастер Онисим устроил там пруды, а в 1635г. разведены сады, которые в 1641г. снова строил немец доктор Венделинус Сибилис. ... были еще весьма значительные «по преимуществу садовые

хозяйства в селах Коломенском и Воробьеве, которые тоже служили увеселительными дачами для царской семьи». [7; с.166, 167]

Много времени занимало у царицы ведение дел по ведомству ее Постельного приказа. Эти дела «касались хозяйского и служебного устройства различных частей царицына обихода и всего ее чина. Она утверждала ...определение и увольнение всех служителей своего двора; приказывала те или другие расходы, выдачи, раздачи, покупки, посылки, подачи и т.д. ... ее же решениям подчинялась и ее Судимая и Судная палата...» [7; с.161]

Кроме того, царица должна была состояться (и состоялась, раз выжила сама и уберегла свою семью, свой род) как лидер сложнейшей женской среды родов Романовых, Стрешневых, им родственных родов и не только, составивших правящую партию со времени восшествия Михаила Федоровича на российский престол, и реализации их брака. «Это закрытое в своих теремах общество, никому не видимое во дворце, становилось по временам политической силой, которая своим подземным влиянием давало известное направление государевым поступкам и делам, возводило людей на высоту царских милостей, а стало быть и управления, или низвергало их с этой высоты, поддерживало падающих или помогало им в падении. История этого общества нема по той причине, что ее героями бывали все люди неписьменные, живые в покорении, в монастырском постничестве и молчании; но она весьма значительна и любопытна по несомненному присутствию ее скрытых деяний во многих государственных делах». [7; с.165, 166]

В начале XVII века затворничество женщин, изоляция их от общественной жизни была делом окончательным, не подлежащим никакому сомнению. Однако, судьба первой царицы из династии Романовых, как исторический срез, вскрывает истину: *природная женская сущность* (хранительницы, охранительницы потомства, очага, семьи, дома), породившая «родовую идею» структурирования общества (творца нашего национального единства, нашей силы, спасения, достоинства, но и источника всех наших напастей), *вырабатывает*, независимо от специфики исторической эпохи, действующую параллельно бюрократии, *неформальную систему социального управления, подпитывающей, корректирующей, страхующей, а подчас и заменяющей формальную.*

-
1. Творогов О.В. Князья Рюриковичи: Краткие биографии. – М.: Русский мир, 1992. – 95с.
 2. Валишевский К. Смутное время. -М.: СП «ИКПА», 1989. – 438с.
 3. Ключевский В.О.Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн.2.- М.: Мысль, 1993. – 584с.
 4. Берх В. Царствование царя Михаила Фёдоровича и взгляд на междуцарствие. В 2-х ч. Ч.1. - СПб.: типография Х.Гинце, 1832. – 301с.
 5. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9-10. -М.: Мысль, 1990. – 718с.
 6. Милюков П.Н. Национальный вопрос: Происхождение национальности и национальные вопросы в России. - М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2005. – 160с.
 7. Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. - Новосибирск: Наука. Сиб.от-ние, 1992. – 246с.
 8. Гумилев Л.Н.От Руси к России: очерки этнической истории. - М.: Экопрос, 1992 – 336с.
 9. Литература и культура Древней Руси. - М.: Высшая шк., 1994. –336с.
 10. Дворянские роды Российской Империи. Том 2. Князья. - Спб.: ИПК «Вести», 1995. – 264с.
 11. Дворянские роды Российской Империи. Том 1. Князья. - Спб.: ИПК «Вести», 1993. – 344с.
 12. Шевченко В.И. Из истории гсударства Российского. 1613-1917. Династия Романовых. - М.: М.П. «РОССИЧ», 1991. – 32с. Буклет.

Опубликовано:

Сборник №2. Роль женщин в истории династии Романовых: Исследования и материалы.
– СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – С.70-80.